

В бескрайнем лесу внезапно показался великолепный конь. Шерсть у него была угольно-черной, и лишь на копытах белела шерстка, будто он ступал по снегу, за что его и прозвали Тасюэ.

Тасюэ мчался по траве, а в роскошном седле на его спине восседал мужчина с длинными красными волосами, развевающимися на ветру. Под густыми, словно мечи, бровями сверкали властные звездные очи, а облачен он был в добротную, но не лишенную аристократического лоска одежду для верховой езды. Этим человеком был правитель Государства Синшуан — Лун Сюань.

— Ваше Величество! Кажется, там что-то есть! — Жань Цзэн, слуга, ехавший верхом на маленьком ослике, указал на кусты неподалеку.

Лун Сюань кивнул и тут же натянул поводья, направляясь в ту сторону. Заросли были не то чтобы большими, но и не слишком маленькими, доходили человеку как раз до пояса. Он поднял лук, целясь в...

Что-то было не так. Объект вроде бы был, но не подавал признаков жизни.

Одолеваемый сомнениями, он опустил лук, спешил и подошел ближе. Раздвинув ветки, он обнаружил лежащего человека.

Этот человек показался ему до боли знакомым. Нет, он прекрасно знал его, ведь всего несколько ночей назад он сам истребил весь его род! В ту ночь он не нашел его тела и решил, что тот сбежал. Как же он оказался здесь?

— К-как кто-то мог потерять сознание в императорских охотничьих угодьях? — Жань Цзэн, последовавший за ним, с удивлением уставился на лежащего на траве пятнадцатилетнего юношу, чье тело было сплошь покрыто ранами.

Мальчик, кажется, услышал шум: его брови, тонкие, как ивовые листья, дрогнули, но сам он не очнулся.

— Ишь ты! Валяется здесь, только мешается. Непонятно, что за дикарь такой? Ваше Величество, позвольте мне приказать слугам выбросить его прочь! — заискивающе пролепетал Жань Цзэн, пытаясь угодить хозяину. Однако Лун Сюань промолчал, лишь бросил на него ледяной взгляд, и слуга сразу понял, что сболтнул лишнее.

Лун Сюань тихо подошел к юноше и, зная ответ, спросил:

— Разве он не кажется тебе знакомым?

Жань Цзэн на цыпочках приблизился, а затем вдруг воскликнул:

— Ой! Да ведь это же младший сын генерала Мо!

Лун Сюань немного подумал и произнес:

— Жань Цзэн, отнеси его в гостевой зал... нет, отвези его во Дворец Сюанььюань, там его вылечат.

Жань Цзэн остолбенел. Дворец Сюанььюань — это же личные покои государя! Разве может какой-то там сын генерала войти в столь священное место? Он уже хотел было начать отговаривать императора, но, встретив его холодный взгляд, покорно принялся исполнять приказ.

— Запомни! Лечи его до тех пор, пока на теле не останется ни единого шрама!

— Слушаюсь, Ваше Величество, я немедленно приступлю.

Проводив взглядом носилки, на которых уносили юношу, Лун Сюань погладил черную шерсть Тасюэ и пробормотал себе под нос:

— Почему Мо Юань оказался здесь?

Приняв решение, Лун Сюань вскочил в седло и стремительно помчался обратно во дворец.

Во сне Вэнь Юаньсинь хмурился — тело словно сверлили тысячи насекомых, было невыносимо больно. Он пытался открыть глаза, но сил не хватало. Зато на лбу он ощутил прохладу — должно быть, за ним кто-то ухаживает? От этой мысли его нахмуренные брови немного расслабились, и он погрузился в легкий сон.

В полубытьи он, кажется, слышал голоса.

— Почему он все еще не пришел в себя?

— Докладываю Вашему Величеству, раны молодого господина Мо полностью зажили. Полагаю, скоро он очнется, прошу Ваше Величество проявить терпение. Я уже распорядился насчет отваров, после каждого приема пищи по чаше — через месяц он будет здоров, — склонившись в поклоне, почтительно ответил старый лекарь.

— ...Хорошо, можешь идти. Если понадобится, я велю позвать.

— Слушаюсь.

Когда лекарь ушел, император отослал прочь всех служанок и евнухов. В комнате стало пусто, и он, правитель целой страны, сам пододвинул стул к кровати, дожидаясь, пока лежащий на драконьем ложе человек откроет глаза.

Спустя четверть часа Вэнь Юаньсинь наконец перестал сопротивляться сну и медленно

разомкнул веки...

— Очнулся?

Это был тот самый голос. Он точно знал, что не принадлежит никому из его знакомых, ведь он впервые слышал столь глубокий, бархатный тембр — для него он звучал как музыка небес.

Он растерянno обвел взглядом роскошный потолок, пытаясь сообразить, что происходит.

— Мо Юань?

Небесный голос позвал его снова, но Вэнь Юаньсинь не знал, к кому обращаются. Он хотел переспросить, но пересохшее горло не слушалось, и издать звук не удалось.

Он перевел взгляд и, когда затуманенная пелена спала, увидел источник звука.

Перед ним стоял мужчина, излучающий властность. На вид он был на несколько лет старше. Не такой уж взрослый, но в его золотистых глазах читались зрелость и опыт. На нем была одежда, похожая на ту, что Вэнь Юаньсинь видел в книгах и фильмах об истории древнего Китая, но все же иная — более плотная и тяжелая, видимо, в этой стране было довольно холодно.

Лицо мужчины было столь прекрасным, что Вэнь Юаньсинь вдруг подумал: даже самые известные артисты и модели мира меркнут на его фоне. Но в мире нет идеала — этому совершенному человеку не хватало одного: дружелюбия.

От него исходило столько властности, что приближаться к нему было страшно. Если бы Вэнь Юаньсинь не был таким открытым, он бы, наверное, сам не захотел к нему подходить.

— ...Я с тобой разговариваю, оглох, что ли? — мужчина, кажется, разозлился. Его красивый голос звучал с нотками гнева.

Вэнь Юаньсинь нахмурился, понимая, что если сейчас не заговорит, дело может кончиться плохо.

Слегка приоткрыв губы, он хриплым голосом произнес:

— Воды... — кто знает, сколько времени это тело было мертво, даже звук издать — целое испытание!

Мужчина, назвавший себя правителем, помрачнел еще сильнее, но все же, против воли, налил чаю и буквально влил ему в рот, из-за чего Вэнь Юаньсинь подавился.

— Второго раза не будет. Я владыка Государства Синшуан, с какой стати государю прислуживать сыну своего подданного? — Подданного — еще ладно, но это же сын подданного!

Лучше бы второго раза и правда не было... Подавившись до слез, Вэнь Юаньсинь тяжело вздохнул и сел на кровати.

— Мо Юань, мне нужно тебя кое о чем спросить, — гнев мужчины утих, и он заговорил спокойнее.

Настроение меняется быстрее, чем переворачиваются страницы...

— Я не Мо Юань... — нахмурившись, возразил он. Причин для хмурого вида было две: во-первых, имя, а во-вторых, он заметил, что там, где должны быть короткие черные волосы, теперь красуются длинные пряди цвета воды...

Похоже, в этом месте у всех странный цвет волос, раз уж этот потрясенный правитель — рыжий.

— Невозможно! Я видел Мо Юаня. Это ты, сомнений нет!

Вэнь Юаньсинь лишь глупо наклонил голову набок и сказал то, чего Лун Сюань не мог понять:

— М-м, я понял! Тот, кого ты видел — это прежний хозяин этого тела, Мо Юань, а не я. А почему тело сменило владельца... думаю, Мо Юань попал в беду или заболел и отдал концы, так что какой-то бог случайно отдал это тело мне, а потом ты случайно спас меня... М-м! Наверное, так оно и было. Кстати, как тебя зовут?

На лбу Лун Сюаня появились три черные полосы. Он совершенно не понимал, что лепечет этот человек, который должен был быть Мо Юанем, и лишь ошеломленно произнес:

— ...Я... Лун Сюань...

— Какое совпадение! Меня зовут Вэнь Юаньсинь, наши имена складываются в Сюань-Юань! Сюань-Юань — это же второе имя Желтого Императора из древности, если я ничего не путаю!

— Вэнь Юаньсинь просиял. Он вспомнил, как родители рассказывали о происхождении этого имени — они надеялись, что он станет таким же выдающимся человеком, как Желтый Император. Но его собственное тело было таким слабым, что он не вылезал из больниц, не то что учиться — он лишь тратил деньги, которые родители зарабатывали потом и кровью.

От этих мыслей его глаза наполнились слезами. Он опустил голову, пытаясь сдержать их. Тот бог был прав — он никогда не думал о том, чтобы жить ради самого себя...

— Т-ты... что с тобой? Тебе плохо? Я позову лекаря! — увидев, что Вэнь Юаньсинь опустил голову, Лун Сюань растерялся и забыл даже про императорское «я».

Вэнь Юаньсинь, услышав его слова, почувствовал, как уныние испарилось. От бывшей властности мужчины не осталось и следа, напротив, сейчас он казался таким искренним и милым!

Уголки губ Вэнь Юаньсиня дернулись в улыбке, он поднял голову:

— Мне не плохо. В прошлой жизни я привык. Просто... то, что я сказал, ты понял?

— Дерзость! Кто позволил тебе называть меня по имени? — внезапно вскричал Лун Сюань. Но Вэнь Юаньсинь прекрасно понимал: тот просто пытается скрыть смущение. У него слишком высокая гордость, наверное, никто уже очень давно не называл его по имени.

Похоже, он не понял ни слова из того, что было сказано ранее. Вэнь Юаньсинь горько усмехнулся, не зная, как объяснить вещи, в которые обычный человек никогда не поверит.

— Прости... Как же мне тогда тебя называть?

Лун Сюань перед ним растерялся. Зрелость и решительность, которые он вырабатывал с детства, перед этим человеком оказались бесполезны.

— Лун Сюань? — видя, что тот молчит, Вэнь Юаньсинь позвал его снова.

— ...Эх, зови как хочешь. Сейчас важно другое: почему ты оказался на охоте? — Лун Сюань вздохнул, решив перейти к более серьезному вопросу, который интересовал его больше всего.

Теперь настала очередь Вэнь Юаньсиня ломать голову — он бы и сам хотел знать!

— Тогда я буду звать тебя Сюань-ло! М-м... на самом деле... я и сам не знаю, почему оказался в этих твоих охотничьих угодьях! — он беспомощно улыбнулся. Требовать от него ответов на вопросы, на которые он не знает ответа сам, — это уж слишком!

— ...Хорошо, «не знаю» — так «не знаю». Что теперь будешь делать?

— Что... делать? — в недоумении переспросил он.

Лун Сюань сверкнул глазами:

— Ты говоришь, что не Мо Юань, а Вэнь Юаньсинь — это еще предстоит выяснить, я не буду спорить! Но твоя внешность — это лицо Мо Юаня, люди будут называть тебя господином Мо. Особняк генерала — один из самых известных в столице, найти чиновника, который не узнал бы тебя, трудно. Сейчас в особняке никого не осталось, ты один. Вернешься? А кто будет заботиться о тебе?

Вэнь Юаньсинь про себя усмехнулся: «Ты что, беспокоишься обо мне?»

Вспомнив слова Лун Сюаня, он наконец понял положение дел прежнего владельца тела. Прежде всего, он ощутил ноющую боль — и дураку понятно, что его подвергали нечеловеческим пыткам. А исходя из слов Лун Сюаня, выяснилась еще более печальная истина: у него здесь не осталось родных! Что ж, так даже лучше, не нужно выдумывать оправдания для всяких «родственников»... меньше хлопот.

Но Лун Сюань прав: как выжить в мире, где у него никого и ничего нет?

Видя, что он молчит, Лун Сюань понял, что парень в растерянности. Ха! Да какая разница? Этот парень хорош собой, глаза такие ясные... В конце концов, он — правитель. Переспал со всеми наложницами и фаворитами, неужели не сможет приютить одного юношу? Кто знает, не станет ли Мо Юань, если его отпустить, «тигром, выпущенным в горы», даже если он притворяется дурачком? В любом случае, в правительстве сейчас затишье, отчего бы и не развлечься.

— Я вижу, ты не знаешь. Что ж... окажу тебе милость, можешь жить во дворце, — Лун Сюань гордо вскинул подбородок, всем своим видом показывая: «Помни о моей доброте».

Вэнь Юаньсинь недоуменно склонил голову набок:

— Императорский дворец наверняка огромный, там много разных павильонов. Где мне жить? И в каком качестве?

Лун Сюань приподнял бровь. Мальчишка проницательный. Хоть и болтает невесть что, но характер кажется спокойным.

Тот Мо Юань, о котором он слышал и которого видел, не был таким рассудительным. Скорее, капризным ребенком, которого в генеральском доме избаловали донельзя. Он был настолько высокомерен, что даже перед лицом государя... Шпионы доносили, что Мо Юань хвастался, будто он равен императору и достоин такого же положения. Смешно! Разве может такой глупый ребенок управлять страной? Лун Сюань, узнав об этом, пришел в ярость! Он искал повод проучить Мо Юаня. И как раз вовремя до него дошли слухи, что в особняке Мо зреет заговор.

Поэтому, не дожидаясь беды, в одну темную ночь он приказал тайным стражам перебить всех в особняке. Но при подсчете тел Мо Юаня среди них не оказалось, а позже он объявился в охотничьих угодьях. Неужели кто-то его спас? ...При этой мысли Лун Сюань решил, что нужно во всем разобраться.

— Сюань? Ты в порядке? — Вэнь Юаньсинь, видя, что тот замолчал, позвал его.

— А? ...Ничего... — Лун Сюань неловко махнул рукой и добавил: — Я — император! Кто ты, почему можешь здесь оставаться и где будешь жить — я все устрою сам, не твое дело.

— Хи-хи! — Вэнь Юаньсинь рассмеялся, а затем робко спросил: — Сюань... а можно... не называть меня «ты да ты»? Давай называть друг друга по именам?

Он попросил об этом потому, что вспомнил школу, где учился, одноклассников, которых встречал изредка, — они всегда обращались к нему «эй, ты», и никто никогда не называл его по имени... Он усмехнулся: как же одиноко.

Лун Сюань нахмурился. Он не знал, как к нему обращаться — «Мо Юань» или «Вэнь Юаньсинь». Он отошел от кровати, налил себе чаю и задумался, глядя на поверхность напитка.

— Сюань?

— ...Эх, зови как хочешь. А сейчас главное — отдыхай в Зале Поверженного Дракона. Он прямо рядом с этим Дворцом Сюаньююань. Так мне будет удобнее тебя позвать, или если у тебя возникнет дело ко мне.

— Эй! Ты не ответил! Называй меня по имени! — Вэнь Юаньсинь, редкий случай, разозлился. Он хотел запустить в него подушкой, но нечаянно задел рану в боку и тихо вскрикнул от боли.

Пусть звук был едва слышным, Лун Сюань услышал его. Он тут же поставил чашку и бросился к кровати.

— Что с тобой? Рана болит?

Вэнь Юаньсинь прижал руку к больному месту и горько усмехнулся:

— У тебя острый слух. Чего так переполошился? Кажется, ты беспокоишься об этом теле даже больше, чем я. Неужели влюбился? Успокойся, это просто рана. Для меня такая боль — обычное дело, не умру, не переживай...

Густые брови Лун Сюаня, которые было нахмурились, от этих беззаботных слов поползли вверх, и он в гневе воскликнул:

— Это я тебя спас! Если я не буду волноваться, то кто? Я не хочу, чтобы мои ценные лекарства и время тратились на кого-то, кто вот-вот откинет копыта! Ты хочешь, чтобы я звал тебя по имени? Хорошо! Когда научишься беречь свое тело, тогда и буду!

Как только он произнес это, остолбенел не только тот, кому предназначались слова, но и он сам. Лун Сюань не понимал, почему его так волнует состояние Вэнь Юаньсиня, почему он разозлился, услышав такое пренебрежительное отношение к себе. Покраснев, он отвернулся и молча осушил чашку с уже остывшим чаем.

Горько. Такой горький вкус. И почему-то даже на сердце стало горько.

Вэнь Юаньсинь сменил ошеломленное выражение лица на понимающее. Значит... этот грозный и холодный правитель беспокоится о нем? Ха! Какой милый.

— Спасибо тебе! Сюань, ты мне так нравишься! — улыбаясь, сказал Вэнь Юаньсинь. Он искренне считал этого стеснительного, смущенного императора очень милым. Несмотря на его властность при первой встрече, ему хотелось узнать его лучше, хотелось быть рядом... Сам не зная почему, эта мысль вдруг возникла у него в голове.

Лун Сюань снова повернулся к нему:

— За что спасибо? И не разбрасывайся словами «нравишься» в адрес императора, так и отравления не миновать.

— Спасибо за то, что беспокоишься, и спасибо, что разрешил остаться! — закончив, Вэнь Юаньсинь склонил голову набок и спросил: — А почему, если сказать «нравишься», можно получить яд? Странно как-то! Даже симпатию выразить нельзя...

Вздыхнув, Лун Сюань сел на край кровати, снял сапоги и ответил:

— Наложницы в гареме коварны и злы, одна другой ядовитее. Кто знает, сколько среди слуг их шпионов? Если кто-то из них почувствует, что ущемлен, этот человек, скорее всего, даже не поймет, как отправился на тот свет.

— ...Это и есть то самое «нет злее сердца, чем женское», о котором пишут в книгах? — Вэнь Юаньсинь был ошеломлен, он даже не заметил, как Лун Сюань снял верхнюю одежду, лег рядом и укрылся теплым одеялом. — ...А как же тогда признаваться в симпатии?

— Тебе так хочется это сказать? — повернув красивое лицо к Вэнь Юаньсиню, Лун Сюань начал сомневаться. Он стал верить в то, что этот человек... не Мо Юань. Любой при дворе знал о том, что он только что сказал, и не было причин, чтобы Мо Юань вот так смотрел на него ясными фиолетовыми глазами и задавал такие вопросы.

Это была невиданная доселе дерзость. И пусть дерзость, но он не мог ее забыть. Он хотел, чтобы этот человек вечно сохранял такую чистую, безыскусную дерзость.

— Потому что... — Вэнь Юаньсинь украдкой взглянул на Лун Сюаня, его взгляд на мгновение потускнел, — ...из всех, кого я знаю... нравиться мне можешь только ты, Сюань...

Это... если не соблазнение, то что?

Нахмурившись, Лун Сюань спросил себя, что он вообще творит. Покачав головой, он произнес:

— Спи. Завтра мне идти на утреннюю аудиенцию, некогда с тобой возиться.

— ...Жадина... — пробормотал Вэнь Юаньсинь, надув губы, но тут же расплылся в улыбке: — Я впервые сплю не с родителями?! Так волнительно!

— Детский сад какой-то. Больше ни слова. Спать со мной — это величайшая милость, еще раз заговоришь — вышвырну с кровати! — Лун Сюань сверкнул глазами. Неужели этот парень приравнивал его к своим родителям?

Вэнь Юаньсинь показал ему язык и закрыл глаза, собираясь спать. Но вдруг его охватило чувство страха перед этой темнотой, за которой, казалось, скрывается смерть. Он резко открыл глаза и, увидев красивое лицо Лун Сюаня, инстинктивно придвинулся ближе, желая услышать его ровное дыхание и биение сердца, чтобы убедиться в собственном существовании. Посмотрев еще немного на этого человека, он со спокойной душой уснул, на губах играла легкая улыбка.

Лун Сюань, который дремал, открыл глаза, почувствовав его движение. Увидев улыбку на лице юноши, он, сам того не осознавая, тоже улыбнулся. Его сильная рука легко притянула Вэнь Юаньсиня к себе, словно подушку для объятий. Он зарылся лицом в длинные, мягкие волосы цвета воды, вдыхая аромат благовоний, которыми его велели вымыть, пока он был без сознания, и удовлетворенно уснул.

Они и не подозревали, что семя уже проросло.

Семя, имя которому — любовь.

Этот мужчина был настолько хорош собой, что Вэнь Юаньсинь внезапно подумал: даже самые яркие звезды шоу-бизнеса или топ-модели из его мира рядом с ним выглядели блекло. Впрочем, в мире нет совершенства — этому мужчине, несмотря на его безупречный вид, недоставало одной важной черты: дружелюбия.

От него исходила такая властность, что приближаться к нему было страшно. Если бы Вэнь Юаньсинь не был человеком общительным, он бы вряд ли решился подойти к нему добровольно.

— ...Я к тебе обращаюсь. Ты что, оглох?

Мужчина, по-видимому, вышел из себя: в его приятном голосе проскользнули гневные нотки.

Вэнь Юаньсинь нахмурился, понимая, что, если он сейчас не заговорит, дело может принять дурной оборот. Он слегка приоткрыл губы и хриплым, едва узнаваемым голосом произнес:

— Воды...

Небеса знают, сколько времени это тело провело на грани смерти — даже подать голос оказалось невероятно тяжело!

Мужчина, называвший себя «этот монарх», нахмурился еще сильнее, но все же, хоть и против воли, налил чаю и бесцеремонно влил ему в рот. Вэнь Юаньсинь закашлялся, едва не задохнувшись.

— Чтобы впредь такого не повторялось. Я — правитель Государства Синшуан, с какой стати мне, властителю, подавать воду сыну собственного подданного?

Мало того, что подданного, так еще и его сына!

Лучше бы в следующий раз не просить... Вэнь Юаньсинь, у которого от кашля выступили слезы, мысленно тяжело вздохнул и приподнялся на кровати.

— Мо Юань, у меня есть к тебе вопросы, — уже спокойнее произнес мужчина, сменив гнев на милость.

Быстро же он меняет тон, прямо как страницы в книге...

— Я не Мо Юань... — Вэнь Юаньсинь нахмурился, возражая. Причин для недовольства было две: первая — это имя, а вторая — он только что заметил, что там, где должны были быть короткие черные волосы, теперь красовалась длинная шевелюра цвета морской волны.

Кажется, у местных жителей странные представления о цвете волос, ведь у этого ошарашенного монарха перед глазами была ярко-рыжая грива.

— Невозможно! Я лично видел Мо Юаня, ты — это он, и никак иначе!

Вэнь Юаньсинь лишь глупо склонил голову набок и произнес слова, которые Лун Сюань не мог понять:

— Хм, я понял! Тот, кого ты видел — Мо Юань, прежний хозяин этого тела, а не я. Почему же тело сменило владельца? Думаю, дело в том, что Мо Юань попал в беду или заболел и отправился к праотцам, а какой-то бог случайно отдал это тело мне, а ты как раз оказался рядом и спас меня... Да, наверное, так всё и было! Кстати, как тебя зовут?

На лице Лун Сюаня пролегли три черточки — он совершенно не понимал, о чем лепечет этот человек, которого он считал Мо Юанем. Вместо ответа он лишь озадаченно проронил:

— ...Этот монарх... зовется Лун Сюань...

— Какое совпадение! А я — Вэнь Юаньсинь. Наши имена вместе звучат как Сюаньюань! Разве Сюаньюань не было вторым именем Желтого Императора в древности? Если я ничего не путаю! — Вэнь Юаньсинь расплылся в улыбке. Он вспомнил, как родители рассказывали ему о происхождении этого имени. Он знал, что они надеялись, что он вырастет таким же выдающимся, как Желтый Император, но его собственное тело было таким слабым, что он проводил дни напролет в больницах. Какая уж тут учеба — он только и делал, что тратил тяжелым трудом заработанные деньги родителей.

При мысли об этом его ясные, водянистые глаза снова наполнились слезами. Он опустил голову, пытаясь сдержать их. Тот бог был прав — он никогда по-настоящему не жил ради себя.

— Ты... что с тобой? Тебе нехорошо? Я позову императорского лекаря! — увидев, что Вэнь Юаньсинь опустил голову, Лун Сюань запаниковал, даже забыв использовать о себе «этот монарх».

Слыша его голос, Вэнь Юаньсинь почувствовал, как его мрачное настроение улетучилось. Куда делась былая властность? Теперь в нем проступило что-то простое и даже милое.

Уголки губ Вэнь Юаньсиня приподнялись, он поднял голову и ответил:

— Мне не то чтобы плохо, я привык к этому еще в прошлой жизни. Просто... то, что я сказал, Лун Сюань, ты понимаешь?

— Дерзость! Как ты смеешь называть меня по имени? — вскрикнул Лун Сюань, но Вэнь Юаньсинь понимал: он просто скрывает замешательство. Слишком уж велика его гордость, скорее всего, никто не называл его по имени уже целую вечность.

Похоже, он так и не понял смысла слов Вэнь Юаньсиня. Тот горько усмехнулся, не зная, как объяснить вещи, в которые обычный человек никогда не поверит.

— Прости. Тогда... как мне к тебе обращаться?

Лун Сюань перед ним вдруг растерялся; зрелость и решительность, которые он воспитывал в себе с детства, перед этим человеком оказались бесполезны.

— Лун Сюань? — снова позвал Вэнь Юаньсинь, видя, что тот молчит.

— ...Ох, зови как хочешь. Сейчас важнее другое: как ты оказался в охотничьих угодьях? — Лун Сюань вздохнул, решив перейти к более серьезной и волнующей его теме.

Теперь пришла очередь Вэнь Юаньсиня ломать голову — он бы и сам хотел это знать!

— Тогда буду звать тебя Сюань! Хм... на самом деле... я и сам не знаю, почему оказался в тех угодьях, о которых ты говоришь! — он беспомощно улыбнулся. Требовать от него ответов на то, чего он не знает, — это уж слишком!

— ...Хорошо, «не знаю» так «не знаю». И что теперь собираешься делать?

— В каком смысле... делать? — озадаченно переспросил он.

Лун Сюань сверкнул глазами:

— Ты говоришь, что не Мо Юань, а некий Вэнь Юаньсинь. Это еще предстоит выяснить, я не стану с тобой спорить! Но твоя внешность — это лицо Мо Юаня, все будут называть тебя молодым господином Мо. Резиденция Мо в столице известна каждому, попробуй найди чиновника, который тебя не узнает. Сейчас от Резиденции Мо никого не осталось, ты один-одинешенек. Хочешь вернуться? Кто о тебе позаботится, если вернешься?

Вэнь Юаньсинь невольно усмехнулся про себя: ты обо мне беспокоишься?

Вспомнив слова Лун Сюаня, он осознал, в каком положении находится прежний хозяин тела. Прежде всего, он чувствовал ноющую боль в теле — глупцу ясно, что над ним издевались. А судя по словам Лун Сюаня, все еще хуже: у него здесь не осталось родных! Что ж, это даже к лучшему: не придется искать оправдания перед теми, кто должен был быть «родственниками»... избавит от лишних хлопот.

Но Лун Сюань прав: как ему выжить в этом мире, где у него нет ни близких, ни друзей, и где он вообще ничего не понимает?

Видя, что он молчит, Лун Сюань понял, что парень в растерянности. Хм, да какая разница! Личико у этого мальчишки приятное, глаза живые. В конце концов, он — правитель. Переспал со множеством наложниц и фаворитов, неужели не справится с одним? Да и отпустить этого Мо Юаня, который, может, лишь притворяется глупым, — все равно что выпустить тигра обратно в горы. Все равно при дворе сейчас затишье, от скуки можно и развлечься.

— Вижу твое состояние. Что ж... дарю тебе милость: можешь остаться во дворце, — Лун Сюань надменно вскинул подбородок, всем видом показывая: «помни, чьей милостью живешь».

Вэнь Юаньсинь озадаченно склонил голову:

— Дворец наверняка огромный, там много разных палат, верно? Где я буду жить? И в каком качестве?

Лун Сюань приподнял бровь: этот парень оказался смышленным. И пусть болтает без умолку, но держится спокойно.

Тот Мо Юань, о котором он слышал и которого видел раньше, не отличался таким взрослым характером: он был капризным ребенком, которого в Резиденции Мо избаловали донельзя. Он даже перед самым Лун Сюанем вел себя высокомерно. Шпионы доносили, что Мо Юань хвастался перед слугами, будто он равен правителю и заслуживает того же положения. Как смешно! Разве может такой глупый ребенок претендовать на трон? Услышав это, Лун Сюань пришел в ярость. Он как раз искал повод проучить его, к тому же до него дошли слухи, что Резиденция Мо замышляет мятеж.

Именно поэтому, не дожидаясь беды, в одну темную ночь он приказал своим стражникам вырезать всю семью. Но при подсчете трупов оказалось, что Мо Юаня среди них нет, а позже

он нашелся в охотничьих угодьях. Неужели кто-то спас его? Эта мысль заставила Лун Сюаня задуматься о том, что нужно во всем разобраться.

— Сюань? Ты в порядке? — Вэнь Юаньсинь позвал его, видя, что тот замолчал.

— А? ...Ничего... — Лун Сюань смущенно отмахнулся. — Я — правитель! В каком статусе ты здесь живешь, где и почему — я сам распоряжусь, не твоего ума дело.

— Хи-хи! — Вэнь Юаньсинь тихо рассмеялся, а затем робко спросил: — Сюань... а можно... не называть меня постоянно «ты да ты»? Давай ты будешь звать меня по имени, хорошо?

Он попросил об этом потому, что вспомнил школу, где бывал лишь изредка, и одноклассников, которых видел еще реже — все они обращались к нему только «ты». Он ни разу не слышал, чтобы кто-то назвал его «Юаньсинь». Он горько усмехнулся: как же это одиноко!

Лун Сюань нахмурился, не зная, как к нему обращаться — Мо Юань или Вэнь Юаньсинь. Он отошел от кровати, налил себе чаю и, глядя в чашку, задумался.

— Сюань?

— ...Отныне будешь жить в Зале Поверженного Дракона. Он рядом с моим дворцом Сюанььюань, так мне будет проще тебя звать, да и тебе — если что-то понадобится.

— Эй! Ты не ответил! Зови меня по имени! — Вэнь Юаньсинь неожиданно вспылil. Он хотел бросить в него подушкой, но случайно задел рану на животе и тихо вскрикнул от боли.

Хотя звук был едва слышным, Лун Сюань, находившийся неподалеку, услышал его. Он тут же отставил чашку и бросился к нему.

— Что с тобой? Рана болит?

Вэнь Юаньсинь, прижимая поврежденный бок, горько усмехнулся:

— А у тебя отличный слух! К чему такая паника? Словно тебе больнее, чем мне, и ты так печешься об этом теле. Неужели влюбился? Успокойся, это лишь случайность. Для меня такая боль — повседневность, не умру я, не умру...

Лун Сюань, чьи брови прежде были нахмурены, от равнодушного тона Вэнь Юаньсиня окончательно рассвирепел:

— Я тебя спас! Как мне не волноваться? Этот монарх не желает, чтобы драгоценные лекарства

и время тратились на того, кто готов умереть в любой момент! Ты хочешь, чтобы я звал тебя по имени? Хорошо! Сперва научись ценить собственную жизнь, а потом, так и быть, я начну называть тебя по имени!

Сказав это, он застыл, как и тот, к кому он обращался. Лун Сюань не понимал, почему его так волнует тело Вэнь Юаньсиня и почему его так разозлило его равнодушие. Покраснев от гнева, он отвернулся и, не произнеся больше ни слова, осушил остывший чай до дна.

Горько. Какой же горький вкус, и почему-то на сердце тоже стало горько.

Вэнь Юаньсинь из ошеломления перешёл в состояние полнейшего понимания. Так вот оно что... этот с виду властный и бесконечно холодный великий ван переживает за него? Ха! Какая прелесть!

— Спасибо тебе, Сюань! Ты мне так нравишься! — с улыбкой произнёс Вэнь Юаньсинь. Он искренне считал этого застенчивого и смущенного великого вана невероятно милым и обаятельным. Хотя при первой встрече тот казался властным и подавляющим, ему безумно хотелось узнать его лучше, хотелось остаться рядом с ним... Непонятно почему, но эта мысль внезапно всплыла в его голове.

Лун Сюань снова повернул голову и спросил:

— За что спасибо? Не бросайся такими словами о том, что я тебе нравлюсь, налево и направо — так и отравиться недолго.

— Спасибо, что переживаешь за меня, и спасибо, что позволил мне где-то жить! — Закончив говорить, Вэнь Юаньсинь склонил голову набок и с любопытством переспросил: — Почему это за слова о симпатии к Сюаню могут отравить? Как странно! Даже о своих чувствах нельзя сказать...

Лун Сюань вздохнул, сел на край кровати, стянул сапоги и ответил:

— Наложницы в гареме — одна другой коварнее и злоеющее, каждая мелочнее предыдущей. Кто знает, сколько в этом дворце их соглядатаев? Стоит им хоть случайно почувствовать себя обделенными, как тот, чьё превосходство их заденет, скорее всего, даже не поймет, отчего умер.

— ...Это что же, то самое, о чем в книгах пишут: нет зверя страшнее женского сердца? — Вэнь Юаньсинь ошеломленно замер, совершенно не обращая внимания на то, что Лун Сюань уже снял верхнее халат, лег рядом с ним и даже укрылся толстым одеялом. — ...Так при каких же условиях можно говорить, что кто-то нравится?

— Тебе так сильно хочется это сказать? — Лун Сюань повернул красивое лицо к Вэнь

Юаньсиню. Он начал сомневаться и уже верил, что человек перед ним... точно не Мо Юань. Ведь любой при дворе знал о вещах, о которых он только что говорил, и Мо Юань просто не мог бы так хлопать чистыми фиолетовыми глазами и задавать подобные вопросы.

Такая дерзость была ему внове. Пусть это и считалось дерзостью, она оставляла неизгладимый след в душе, и ему хотелось лишь одного — чтобы этот человек навсегда сохранил такую наивную, чистую непосредственность.

— Потому что... — Вэнь Юаньсинь украдкой бросил взгляд на Лун Сюаня, его глаза на мгновение потускнели, и он продолжил: — Из всех, кого я сейчас знаю... тех, кто может мне нравиться — только Сюань...

Это... разве это не соблазнение в чистом виде?

Лицо Лун Сюаня потемнело. Мысленно он спросил себя, чем он вообще сейчас занимается. Помотав головой, он бросил:

— Спи давай. Мне завтра еще идти на утренний доклад, некогда мне с тобой дурью мается.

— ...Жадина... — пробормотал Вэнь Юаньсинь, надув губы, но тут же расплылся в улыбке и радостно выдал: — Я впервые сплю с кем-то, кроме родителей?! Как же волнительно!

— Ребячество. Хватит болтать. Спать со мной — это высочайшая милость для тебя, еще слово, и я скину тебя с кровати! — Лун Сюань грозно сверкнул глазами. Кто бы мог подумать, что этот соплик поставит его в один ряд со своими родителями?

Вэнь Юаньсинь показал язык и решил всё же закрыть глаза и уснуть. Но тут его внезапно пронзило странное ощущение: ему показалось, что он панически боится этой темноты, возникающей, стоит только смежить веки. Словно он страшился... снова встретить смерть. Резко распахнув глаза, он уперся взглядом в привлекательное лицо Лун Сюаня и на уровне инстинкта придвинулся чуть ближе, желая подтвердить собственное существование по ровному дыханию и стуку сердца Лун Сюаня. Посмотрев на лежащего рядом человека еще пару мгновений, он наконец успокоился и погрузился в сон. Уголки его губ тронула легкая улыбка, выдавая полное удовлетворение.

Лун Сюань, дремавший вполглаза, от этого движения проснулся. Увидев его слабую улыбку, он и сам не понял почему, но улыбнулся в ответ. Протянув руку, он без труда притянул Вэнь Юаньсиня к себе, превратив в живую подушку для обниманий, и уткнулся лицом в длинные, мягкие пряди цвета морской волны. Впитывая тот самый парфюмерный аромат, которым велел омыть Вэнь Юаньсиня еще до его пробуждения, Лун Сюань с чувством полного удовлетворения заснул в таком положении...

И даже не подозревал, что семя уже тихонько пустило росток.

Семя по имени любовь.

— ...Не мог бы ты перестать звать меня ты, да ты? Называй меня по имени, ладно?

Вэнь Юаньсинь попросил об этом просто потому, что вспомнил: в той школе, куда он раньше заглядывал лишь изредка, и в общении с одноклассниками, которых видел столь же редко, все всегда обращались к нему обезличенным ты. Он никогда не слышал, чтобы кто-то... звал его Юаньсинь. На губы сорвалась горькая усмешка — до чего же одиноко ему стало!

Лун Сюань нахмурился. Он не знал, как правильнее — звать его Мо Юань или Вэнь Юаньсинь? Он встал с постели, налил себе пиалу чаю и, глядя на водную гладь в чашке, погрузился в задумчивость.

— Сюань?

— ...Отныне будешь спать в Зале Поверженного Дракона. Он как раз рядом с этим Дворцом Сюанььюань, так мне будет удобнее тебя позвать, да и тебе, если понадобится, проще меня найти.

— Эй! Ты так и не ответил! Назови моё имя! — Вэнь Юаньсиню передалось редкое для него раздражение. Он уже хотел схватить подушку и запустить ею в собеседника, но неловко задел рану на животе и тихонько скривился от боли.

Хотя звук был едва слышным, Лун Сюань, находившийся неподалеку, всё же уловил его. Он тут же бросил пиалу и подбежал проверить, в чем дело.

— Что с тобой? Рана болит?

Вэнь Юаньсинь прижал ладонь к пострадавшему месту и горько усмехнулся:

— А слух у тебя отменный! Чего ты так паникуешь? Вид такой, будто это у тебя болит и ты за это тело переживаешь больше меня. Неужели влюбился в меня? Расслабься! Я просто случайно задел рану, для меня эта боль — дело привычное, от такого не умирают...

Его брови, сошедшиеся на переносице, начали постепенно разглаживаться из-за беззаботного тона Вэнь Юаньсиня, а затем взлетели вверх. Лун Сюань возмущенно выпалил:

— Это я тебя спас! Если я не буду паниковать, то кто?! Мне еще не хватало тратить драгоценные лекарства и время на того, кто вот-вот отбросит копыта! Ты хотел, чтобы я назвал твое имя? Хорошо! Сначала научись как следует заботиться о собственном теле, и тогда я сам собой стану звать тебя по имени!

Едва слова сорвались с губ, остолбенел не только тот, к кому они обращались, но и сам говорящий. Лун Сюань не понимал, почему его так волнует состояние Вэнь Юаньсиня, не понимал, почему он разозлился, увидев такую беспечность. Красный до кончиков ушей, он резко отвернулся, умолкнув, и залпом осушил уже остывший чай.

Горько. До чего же горький вкус, и почему-то даже на душе сделалось горько.

<http://bllate.org/book/21135/2144005>